

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 196–205.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 4 (77). P. 196–205

Научная статья
УДК 82-1
doi: 10.54398/1818510X_2023_4_196

**РЕЦЕПЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ДВОЙСТВЕННОСТИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Л. АНДРЕЕВА И Ю. ФОССЕ**

Холоднова Ксения Николаевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
Россия

kholodnovaksenia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>

Аннотация. Актуальность осмысления проявления двойственности человеческой природы трудно переоценить. На протяжении многих веков, начиная с Платона, философы и мыслители стремились понять, в чём заключается этот феномен природы человека и к каким последствиям приводит. Одним из таких философов и мыслителей был русский писатель Ф. М. Достоевский, который концептуализировал двойственность как раздвоение самости и постулировал её как фундаментальный антропологический принцип. В статье анализируется как содержание понятия двойственности человека, которое осмысляется Ф. М. Достоевским полнее всего в типе «подпольного человека», так и рецепция идей Ф. М. Достоевского в творчестве русского писателя Л. Н. Андреева и норвежского драматурга Ю. Фоссе. Впервые двойственность в произведении «Иуда Искариот» осмысляется как субъективность, которая стремится подчинить себе реальность, преодолев бессмысленность действительности, а также находят истоки раздвоения героя романа Ю. Фоссе в философии Ф. М. Достоевского. Л. Андреев создаёт Иуду Искариота, который принадлежит субъективности и живёт не среди того, что существует, а среди того, что дано. А. Ю. Фоссе создаёт образ человека, который сопротивляется миру наличного, живёт грезами, снами, видениями и постепенно движется к радикальной редукции сущего. Попытки вопрошать о человеке антипроектно и антидоктринально создают возможность для преодоления элиминации человека из философского дискурса. Основными методами исследования являются сравнительный, текстологический и антропологический анализ концепций выбранных мыслителей. Сознательное преимущество отдаётся антропологическому методу, как такому, который помогает достичь цели данной статьи.

Ключевые слова: Достоевский, антропологический принцип двойственности, русская философия, человек, Андреев, Фоссе, кризис субъекта, субъективность, субъект, двойник

Для цитирования: Холоднова К. Н. Рецепция антропологического принципа двойственности Ф. М. Достоевского в творчестве Л. Андреева и Ю. Фоссе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 196–205. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_4_196.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**RECEPTION OF THE ANTHROPOLOGICAL PRINCIPLE OF DOSTOEVSKY'S DUALITY
IN THE WORKS OF L. ANDREEV AND J. FOSSE**

Ksenia N. Kholodnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kholodnovaksenia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>

Abstract. It is difficult to overestimate the relevance of understanding the manifestation of the duality of human nature. For many centuries, starting with Plato, philosophers and thinkers have sought to understand what this phenomenon of human nature is and what consequences it leads to. One of such philosophers and thinkers was the Russian writer F. M. Dostoevsky, who conceptualized duality as a split self and postulated it as a fundamental anthropological principle. The article analyzes the content of the concept of human duality, which is understood by F.M. Dostoevsky is most complete in the type of "underground man", and the reception of the ideas of F.M. Dostoevsky in the works of the Russian writer L. N. Andreev and the Norwegian playwright J. Fosse. For the first time, duality in the work "Judas Iscariot" is understood as subjectivity, which seeks to subdue reality, overcoming the meaninglessness of reality, and also the origins of the bifurcation of the hero of the novel J. Fosse In the philosophy of F.M. Dostoevsky, L. Andreev creates Judas Iscariot, who belongs to subjectivity and lives not among what exists, but among what is given. And J. Fosse creates an image of a person who resists the world of the present, lives in dreams, dreams, visions and gradually moves towards a radical reduction of existence. Attempts to ask about a person in an anti-project and anti-doctrinal way create an opportunity to overcome the elimination of a person from philosophical discourse. The main research methods are comparative, textual and anthropological analysis of the concepts of selected thinkers. A conscious advantage is given to the anthropological method, as such, which helps to achieve the purpose of this article.

Keywords: Dostoevsky, the anthropological principle of duality, Russian philosophy, man, Andreev, Fosse, the crisis of the subject, subjectivity, subject, double

For citation: Kholodnova K. N. Reception of the anthropological principle of Dostoevsky's duality in the works of L. Andreev and J. Fosse. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 4 (77), pp. 196–205. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_4_196.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В своей статье «Кризис субъекта» профессор Ф. И. Гиренок напишет: «во всём видна нехватка субъекта, везде заметно его отсутствие» [3, с. 1]. О какой нехватке субъекта говорит Ф. И. Гиренок? О такой, которая появляется в мире, где находит своё проявление кризис субъекта. Первый из них был связан с тем, что разорвалась связь между субъективностью и принципом объективности, а второй с возможным разрывом между человеком и субъективностью. Каким образом второй кризис субъекта себя проявляет? Недостаточностью призраков в мире, то есть «таких вещей, которых нет, но которые существуют, если к ним относятся как к чему-то действительно существующему» [3, с. 1]. Чем это угрожает? Разрыв, появляющийся между человеком и субъективностью, становится причиной появления новой когнитивной ситуации – умного и неживого тела, которое может угрожать существованию человека в том виде, в котором мы к нему привыкли. Как философия отвечает на кризис субъекта? По-разному. Европейская философия в лице Ф. Ницше и ряда других философов пытается концептуализировать постчеловека и сверхчеловека, что в действительности приводит к элиминации человека из философского дискурса, а русская – попытками мыслить человека не догматически, не доктринально, не научно и не проектно. Одной из таких попыток вопрошать о человеке нам представляется антропология великого русского писателя и мыслителя Ф. М. Достоевского.

Основная часть

Антропологический принцип двойственности в философии Ф. М. Достоевского

В одном из выпусков «Дневника писателя» за октябрь 1876 г. Ф. М. Достоевский (1821–1881) будет рассуждать о стремлении людей к простоте: «Эта удовлетворимость наша простейшим, малым и ничтожным, по меньшей мере поразительна» [7, с. 463]. Именно это желание упростить и обобщить будет свойственно людям и тогда, когда они рассуждают о человеке, тогда как в действительности речь о человеке должна идти как о том, кто «с раздвоенною жизнью и высшим прозрением» [7, с. 462]. В письме М. А. Поливановой от 16 августа 1880 г., написанном Ф. М. Достоевским в Старой

Руссе, он скажет буквально следующее: «Вы задаёте мне в письме Вашем, очень трудный вопрос на разрешение и который, увы, столь всеобщ. Есть ли человеческое существо в наше время, которое бы не тосковало от подобного вопроса? *Двоится* (курсив автора. – К. Х.) человек вечно, конечно, может, но, уж конечно, будет при этом страдать» [9, с. 253]. Как мы видим, мысль о раздвоенности человека не оставляла Ф. М. Достоевского на протяжении многих лет. Очевидно, более полным ответом на вопрос о том, что же значит у Ф. М. Достоевского «раздвоенная жизнь» человека, будет анализ повести «Двойник», написанной в 1845–1846 гг., а также произведения «Записки из подполья» (1864), в котором Ф. М. Достоевский продолжит идеи, начатые в «Двойнике». Важным будет также сказать, что, по мнению самого мыслителя, именно идея двойственности человека будет самой важной из всех, что у него были. В «Дневнике писателя» он напишет о «Двойнике» следующее: «Повесть эта мне положительно не удалась, но идея её была довольно светлая, и серьёзнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно» [7, с. 873]. Итак, в «Двойнике» Ф. М. Достоевский расскажет нам о Якове Петровиче Голядкине, странном человеке, который не всегда вполне уверен «наяву ли и в действительности ли всё, что около него теперь совершается, или продолжение его беспорядочных сонных грёз» [6, с. 123]. Голядкин – бедный чиновник, живущий в Санкт-Петербурге, и до определённого момента он кажется читателю совсем непримечательным, а примечательным он становится тогда, когда внезапно раздваивается среди ночи. Предшествуют раздвоению Голядкина следующие события: Голядкин просыпается утром и вдруг начинает проживать нетипичный для себя день, а именно: проснувшись, господин Голядкин пересчитывает деньги в своём кошельке и находит сумму значительной, надевает новые панталоны, манишку с бронзовыми пуговицами, жилетку с яркими цветочками и новый вицмундир. В довершении ко всему он нанимает на весь день карету и куда-то направляется. Нетипичность такого дня для господина Голядкина нам понятна в первую очередь благодаря реакции других на его появление в экипаже: это вызывает недоумение у всех случайно встреченных им по дороге знакомых. Сначала в своем экипаже Голядкин отправляется к доктору медицины и хирургии Крестьяну Ивановичу Рутеншпицу, который, судя по его реакции, совсем не ждал господина Голядкина: доктор смутился и лицо его превратилось в «недовольную мину» [6, с. 129]. Следует заметить, что цель своего приезда ко врачу сам Голядкин объяснить толково также не может. Он просто садится на стул и начинает говорить о себе: «в этом отношении я, Крестьян Иванович, не так, как другие, и много говорить не умею; придавать красоту слогу не научился. Зато я, Крестьян Иванович, действую; зато я действую, Крестьян Иванович» [6, с. 131]. «Хотя мог бы вредить в свою очередь, и очень мог бы, и даже знаю, над кем и как это сделать» [6, с. 133], – продолжает господин Голядкин без причины. Будучи не в состоянии остановиться, Голядкин докладывает также, что он любит спокойствие, а не светский шум, никогда не учился хитростям, которые необходимы в большом свете, и вообще он человек простой, незатейливый, без наружного блеска и совсем кладёт в этом смысле оружие. А ещё он не интриган, чем гордится, и действует всегда открыто, а не втихомолку. Доктор тщетно пытается понять, зачем к нему приехал Голядкин, и начинает предполагать, что того беспокоит какое-то физическое недомогание, и ему нужен рецепт. Фактически цель приезда Голядкина и его речь остаются неразъяснёнными для читателя, однако Ф. М. Достоевский описывает состояние своего героя в этот момент, и именно оно ясно даёт нам понять, что для Голядкина всё происходящее у врача очень важно: «серые глаза его странно блеснули, губы задрожали, все мускулы, все черты его лица заходили, задвигались. Сам он весь дрожал» [6, с. 134]. Что происходит с господином Голядкиным? Он внезапно обнаружил, что-то, что он думает о себе и то, что о нём думают другие, – это совсем разные вещи. И Голядкин решительно настроен бороться за то, чтобы другие думали о нём то же самое, что и он сам о себе думает. Он приезжает ко врачу и начинает будто убеждать его в том, что он вот именно такой Голядкин, бесхитростный, открыто действующий и совсем не интригающий, а не какой-то другой Голядкин, которого представляет себе врач. Он пытается забрать у мира другого

Голядкина, такого, каким он видится людям, но он сам им для себя не является. Ему кажется, что если он расскажет другому, какой он, тогда то, что думает о себе он сам, и то, что будет думать о нём другой, совпадёт. Тогда будет не два Голядкиных, а один. Крестьян Иванович считает, что это лечится медикаментами, и настаивает на том, чтобы Голядкин не переставал их пить.

Не добившись ничего от доктора медицины и хирургии, господин Голядкин садится в экипаж и едет дальше. Сначала он едет в Гостиный двор, где сторговывается и обещает выкупить обеденный и чайный сервиз, сигарочницу и серебряный набор для бритья бороды, вещи, совсем ему не нужные, которые кроме того ему просто не по карману. После этого Яков Петрович даёт распоряжение ехать к Измайловскому мосту, именно это, как окажется впоследствии, и будет самой важной точкой его маршрута в тот день. Он является без приглашения на обед в честь дня рождения дочери своего давнего благодетеля Олсуфия Ивановича Берендеева. От слуг в дверях он узнаёт, что хозяин приказал не пускать его. Расстроенный господин Голядкин разворачивается и уезжает, однако спустя какое-то время возвращается и пробирается на бал через чёрную лестницу, где он готовился войти почти три часа. Обманном путём прокрадываясь на вечеринку, Голядкин пытается совершать простые действия, но не может: он пробует поздравить именинницу, но сбивается, краснеет и умолкает, затем пытается танцевать, но спотыкается. Объективная действительность не подчиняется господину Голядкину, он не может в ней ничего сделать, никакие его желания не получаются претворить в жизнь. Мир Голядкина остаётся разорванным на субъективное и реальное, и никак не может склеиться, какие бы усилия для этого не предпринимал Голядкин. В итоге герой повести просто стоит посреди зала, куда его не приглашали и представляет себе, что сейчас упадёт люстра на Клару Олсуфьевну, а он спасет её. Оскандалившийся Голядкин пытается отстаивать свои права и говорит: «а я здесь у себя, то есть на своём месте» [6, с. 156], но чтобы занимать место в обществе, нужно, чтобы это было согласовано с ним, а места этого за Голядкиным никто не признаёт, и его силой выводят из квартиры, выталкивая за дверь.

Голядкин идёт по улице так, «как будто сам от себя куда-нибудь спрятаться хочет, как будто сам от себя убежать куда-нибудь хочет» [6, с. 159]. Бег не спасает личность Голядкина от ужаса распада, и он раздваивается: «ночной приятель его был не кто иной, как он сам, – сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, – одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях» [6, с. 165]. Столкнувшись со своим двойником, Голядкин чувствовал себя так, будто горел на медленном огне: «тот, кто сидел теперь напротив господина Голядкина, был ужас господина Голядкина, был стыд господина Голядкина, был вчерашний кошмар господина Голядкина, одним словом, был сам господин Голядкин» [6, с. 169]. Он с ужасом думал о том, что теперь никто не поймёт, где настоящий Голядкин, а где поддельный, где оригинал, а где копия. В своих страхах господин Голядкин дошёл до того, что «стал, наконец, сомневаться в собственном существовании своём» [6, с. 170]. Ведь Голядкин не существует для мира таким, каким Голядкин существует для самого себя, он пытается бороться за это, проговаривая, удерживает себя в себе постоянным самоотчётом, потому что, если он не будет это делать, то общество заберёт у него ту личность, которой, как ему кажется, он обладает. Голядкин для Голядкина и Голядкин для общества – это два лица одного и того же Голядкина, они не совпадают ни в какой точке, а наоборот противоречат друг другу «либо вы, либо я, а вместе нам невозможно» [6, с. 220]. Общество требует от Голядкина, чтобы он не был собой, ведь «личности в хорошем обществе не совсем позволительны» [6, с. 189] а тот не может. Появляется Голядкин-младший, и это другой Голядкин, другой не по отношению к Голядкину-старшему, а по отношению к самому себе. Он есть результат запроса общества, он ничего не думает о себе, а значит, ему не за что бороться. У него получается быстро продвигаться по карьерной лестнице, быть приглашённым туда, куда не приглашают Голядкина-старшего, и для этого всего лишь надо было отказать от того, чтобы видеть себя не так, как видит общество. Не просто так Ф. М. Достоевский вводит здесь метафорически мотив самозванства, когда Голядкин-

старший называет двойника Гришкой Отрепьевым. Что делает двойник, удовлетворяя собой запрос общества? Изживает собственную двойственность, отказывается оспаривать право думать о себе то, что думает он сам, и соглашается с другими. Это же будет иметь в виду Жан Бодрийяр в своей работе «Почему всё ещё не исчезло?», когда напишет о том, что субъект теряется, он пропадает, оставляя за собой своего призрака и нарциссического двойника. Голядкин-младший сливается с реальностью, он ничего к ней не добавляет, он пропадает, а Голядкин-старший предоставляет себя субъективности, а значит, пытается волей удержать в реальном мире воображаемое. Он противодействует реальности и пытается навязать всем идею о том, какой он, где его место и на что он способен. И хоть его и пытались лечить медикаментами, он, как сказал Бодрийяр, нормален, потому что не живёт в позитивном согласии с самим собой.

В повести «Записки из подполья» мы встречаемся с главным героем, имени которого не знаем. Он рассказывает нам о том, что недавно полученные деньги дали ему возможность не выходить в мир, а значит, радикальным образом редуцировать сущее. И всё произведение представляет из себя записи о его ощущениях и рассуждения. Он «усиленно сознаёт», что есть «болезнь, настоящая, полная болезнь» [8, с. 598]. А также рассуждает о том, что из думающего человека всегда получается с неизбежностью человек ничего не делающий. Почему? Потому что его реакция на реальность снижается. Главная его проблема в том, что он вечно «кроме одной первоначальной гадости успеет уже нагородить кругом себя, в виде вопросов и сомнений, столько других гадостей; к одному вопросу подведёт столько неразрешённых вопросов, что поневоле кругом неё набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь» [8, с. 601]. И в этой-то роковой бурде он и вынужден жить. Где ему взять время и силы реагировать на реальность, когда нужно разбираться с бурдой? Да и в реальности всё невозможно, там одни каменные стены, а значит, и сделать ничего нельзя. Что даёт «подпольному человеку» редукция сущего, то есть полный разрыв связи с внешним миром? Пространство для учреждения внутреннего. Он ищет Бога, вопрошает о том, что такое сознание, как преодолеть невозможное. То есть ищет ответы на те вопросы, которые являются специфически человеческими, лежат в горизонте сознания и не имеют рациональных, логичных и разумных ответов.

В своей монографии «Введение в сингулярную философию» Ф. И. Гиренок напишет: «раздвоенность у Достоевского проходит через самость человека, через его “я”. Раздваиваться – значит идти к себе или убежать от себя». Вот Голядкин идёт к себе как Голядкин-старший и убегает от себя как Голядкин-младший. Вот «подпольный человек» полностью разрывает с миром, чтобы не жить по его законам, а учредить свои. Очень важным также представляется заметить, что у Ф. М. Достоевского не идёт речь о традиционном раздвоении человека на душу и тело, которое началось с Платона. Двойственность человека, по Ф. М. Достоевскому, становится фундаментальным антропологическим принципом: быть раздвоенным и не совпадать с собой, значит, быть человеком.

Рецепция антропологического принципа двойственности в произведении Л. Н. Андреева «Иуда Искариот»

Леонид Андреев (1871–1919) за три года до смерти в своём письме М. Горькому напишет буквально следующее: «Из ушедших писателей мне ближе всех Достоевский. Я считаю себя его прямым учеником и последователем. В его душе много тёмного, до сих пор неразгаданного, – но тем сильнее он влечёт к себе» [4, с. 271]. Большинство исследователей считают психологизм той нитью, которая связывала творчество Ф. М. Достоевского и Л. Н. Андреева, однако в данной статье мы хотим проследить рецепцию антропологического принципа двойственности, выведенного в типе «подпольного человека» Ф. М. Достоевским, в повести Леонида Андреева «Иуда Искариот», опубликованной в 1907 г.

«Иуда Искариот» начинается с утверждения о том, что Иуда из Кариота – человек дурной. Почему дурной? Потому что он «думает что-то своё» [1, с. 252], а думать что-то своё, значит, быть странным и даже дурным человеком. Кроме того, он весь

двоился: «двоилось также и лицо Иуды: одна сторона его, с чёрным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая; и, хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза». Как мы помним из «Двойника»: «добрые люди по честности живут, добрые люди без фальши живут и по двое никогда не бывают...» [6, с. 211]. Одной половиной своего лица Иуда был похож на осьминога, и «пока в шутовских гримасах корчилась одна сторона его лица, другая качалась серьёзно и строго, и широко смотрел никогда не смыкающийся глаз» [1, с. 260]. Фома часто ловил Иуду на лжи, потому что Иуда говорил не согласованно с реальностью, и речь его была наполнена «правдоподобною ложью» [1, с. 262]. А ещё он утверждает, что за сны должен отвечать сам человек, ведь он же сам видит сны, а не кто-нибудь другой. Можно подумать, что Иуда не чувствует разницы между сном и явью. Он плотно закрывает свой глаз и отдаётся своим «мятежным снам, чудовищным грезам, безумным видениям» [1, с. 263]. Очнувшись от своих снов, Иуда очень серьёзно спрашивает у Фомы, знает ли тот, что у многорукого кактуса, который вчера разорвал его новую одежду, только один красный цветок и только один глаз? И окончательно поражает всех уродливый, с лицом осьминога, Иуда, когда заявляет, что он красив. Фома тогда окончательно убеждается, что у «Иуды из Кариота – два лица» [1, с. 270]. Большинство исследователей трактует двойственность Иуды Искарриота как сочетание уродливого и красивого, низменного и возвышенного в его образе, мы же считаем, что двойственность Иуды есть продолжение линии, заданной «подпольным типом» Ф. М. Достоевского. Иуда принадлежит своей субъективности, он живёт не в том, что существует, а в том, что дано: он уродлив в реальности, но он спорит с ней и утверждает, что он красив, он говорит то, чего не было, и до крика доказывает, что не лжёт. Реакция Иуды на окружающую действительность понижена, он живёт снами, грёзами и фантазиями. Он своей субъективностью лишает смысла объективную реальность, он её опрокидывает, не замечает, игнорирует. Ф. И. Гиренок писал «быть субъективным – значит предоставлять себя действию сил воображаемого. Предоставить себя – значит изменить сознание, создать в нём второй план» [3, с. 1]. Иуда двоится, создавая второй план, прибавляя к объективной реальности своё субъективное, как пытался прибавить «подпольный человек» Ф. М. Достоевского. Иуда – субъект, предоставленный своей субъективности. Он предаёт Христа, а ведёт себя так, будто он получил право судить всех остальных. Как будто тот, кто предал, получает право судить тех, кто не предал. Он утверждает, что они с Иисусом, преданный и предатель, вместе придут и разрушат смерть. Иуда выворачивает логику и топчет её, он не логичен и разумен, а субъективен. Всякий раз, когда Фома говорит Иуде, что что-то невозможно, тот неизменно отвечает, что это возможно. Для него реальность не то же самое, что для обычных людей: «перед невозможностью они тотчас смиряются. Невозможность – значит каменная стена» [8, с. 602]. Невозможность – это ограниченность объективной реальностью, которую Иуда не признаёт, для него возможно то, что воображаемо.

Таким образом, двойственность Иуды Искарриота трактуется нами как углубление и усиление идеи, которая впервые появилась в творчестве Ф. М. Достоевского, а именно как восприятие двойственности в качестве фундаментального антропологического принципа. Двойственность Иуды Искарриота проявляется в его противоборстве реальности, в попытках жить не смыслами объективной действительности, где всё строится на причинных отношениях, а в предоставлении себя субъективности и попытках волей удержать её смыслы.

Рецепция принципа двойственности Ф. М. Достоевского в творчестве Ю. Фоссе

В своём интервью 6 апреля 2018 г., посвящённом фестивалю в его честь, проходящему в Москве и Санкт-Петербурге, современный норвежский писатель Юн Фоссе на напоминание интервьюера о том, что тот называл Ф. М. Достоевского своим героем, отвечает: «у каждого читателя есть писатели его молодости, для меня один из таких – Достоевский» [10]. А 8 февраля 2022 г. выходит его роман под названием «Септология. Другое имя I–II». Аннотация к роману выглядит следующим образом: есть художник

Асле, который живёт в Дюльгью и общается только со своим соседом, рыбаком Ослейком. И в Бьбергвине живёт другой Асле. Он почему-то тоже Асле, а ещё почему-то тоже художник. Оба Асле дружат, а ещё представляют собой две версии одной жизни. Роман написан от первого лица, в нём 349 страниц и нет точек. Текст производит впечатление непрерывного потока мыслей и воспоминаний главного героя, художника Асле, которые часто касаются его друга, художника Асле: «думаю я, и по-прежнему еду в потёмках на север, и вижу Асле, он сидит на диване, смотрит на что-то и не смотрит, дрожит, трясётся всё время дрожит, и одет в точности так, как одет я, в чёрные брюки и свитер, а на спинке стула у журнального столика висит чёрная бархатная куртка, точь-в-точь такая, как на мне, та, что обычно висит на стуле возле круглого стола, и волосы у него седые, и, как у меня, стянуты на затылке чёрной резинкой, и щетина на подбородке седая, как у меня...» [12, с. 19]. Асле раньше пил, но бросил, потому что жена настояла, иначе бы спился и был бы как другой Асле, потому что второй Асле не бросил пить и спился. У Асле умерла жена Алес, а он ложится спать, кутается в одеяло, и потом чувствует, как рядом ложится Алес и крепко его обнимает. Но Алес умерла. «Ведь хотя несколько лет уже минуло с тех пор, как она умерла, она лежит рядом со мной в постели, и я говорю, что не хочу, что нет у меня сил говорить с тобой, Алес» [12, с. 343], – размышляет Асле, пытаюсь с помощью воображаемого привести реальность в соответствие со своими желаниями. А ещё Асле художник, который уверен, что покупатели его картин не знают, что на самых лучших его картинах виден свет. И он видит этот свет, когда погружается в себя, а ещё знает, что этот свет больше жизни, но словами это выразить нельзя. А потому из картин безмолвно говорит свет, незримый свет и говорит он всегда только правду. Рассуждая о человеке, Асле наткнётся на мысль, что в человеке существует незримое, оно невещественно и существует лишь пока живёт человек, живёт во времени и выходит из времени. Это незримое, провалы в которое дают ему возможность писать картины, на которых появляется свет, – самое важное, что есть в человеке. Вся жизнь Асле состоит из видений: другого Асле, мёртвой жены Алес, живой жены Алес в прошлом и картин. Асле едет на машине, останавливается около детской площадки и долго наблюдает за парой, которая, пользуясь тем, что никого нет, наслаждается друг другом. А потом оказывается, что вроде как Асле не видел их, а это ведь он, он и Алес много лет назад, и он не видел, а вспоминал. Но он не уверен. А ещё Асле преследуют картины, и художником он стал потому, что единственный способ избавиться от картин, которые рождаются где-то внутри него, это написать их. Он так от картин освобождается, иначе они его измучают. Всё то, что нам до определённого момента видится событиями, в итоге начинает казаться грёзами и воспоминаниями. Словно в его жизни нет ничего внешнего, наружного. А его внутреннее имеет исток в нём самом, а не вне его, не в мире, а значит, появляется запрет на то, чтобы другой определял Я, чтобы другой определял хоть что-то. Его внутреннее, незримое доминирует над внешним и зримым, реальность наполняется субъективными смыслами. Вся его жизнь определена грёзами, снами, мечтами, фантазиями, то есть тем, что не имеет внешней детерминации и не держится причинными отношениями. Он сопротивляется миру наличного с такой интенсивностью, что не представляется возможным на протяжении всего романа отличить видения от реальности, сказать, кто из людей, о которых он думает или говорит, реально существует или существовал когда-то. Он живёт в одиночестве, радикально редуцируя для себя мир сущего и оставляя пространство только грёзам, фантазиям, воображению. В его жизни всё существует не силой сцепления причиной, а силой воли, которая помогает ему учреждать субъективное. Он заселяет свой мир призраками, которых нет, но которые существуют, потому что он относится к ним так, как будто они действительно существуют. И этот глубокий приоритет внутреннего над внешним есть проявление двойственности, той самой, которая не субстанциальна, а проходит через самую сердцевину самости. Именно той, о которой писал Ф. М. Достоевский. Той, из-за которой действительность всегда будет разрываться на субъективное и реальное, без возможности для человека когда-то окончательно преодолеть разрыв и остаться человеком.

Выводы

Вопрошать о человеке в философии было сложно всегда. Как писал Преподобный Иустин Попович в своей работе «Философия и религия Ф. М. Достоевского»: «Человека слишком недооценивали и слишком переоценивали. Недооценивали до безнадёжности, переоценивали до ужаса. Переоценивали настолько, что боготворили, но и недооценивали настолько, что дьяволотворили. Человеколюбцы доходят до человекообоожествления в абсолютизации положительных его качеств; человеконенавистники доходят до человекопоглощения в абсолютизации отрицательных его качеств» [11, с. 29]. Но сейчас вопросы о человеке становятся актуальными как никогда, потому что ускоренная технократизация, свойственная текущей действительности иногда делает человека с его болью, страданиями, проклятыми вопросами совершенно излишним. Цифровизация направлена на то, чтобы с помощью технических устройств и достижений современных наук упростить реальность, а человек всегда её как-то усложняет. Он появляется там, где проблема слезы ребёнка, вопросы теодицеи, грёзы, сновидения, мнимости. Человек приходит и придумывает то, чего нет, и пытается заставить мир с этим как-то даже считаться. Он отстаивает мысль о том, что у него есть душа и сознание, а их никак не удаётся зафиксировать приборами. Приборы всё улучшаются, а души всё ещё никто не увидел. И единственный продуктивный способ мыслить человека в текущей действительности – это делать это антидоктринально и антипроектно, потому что все остальные попытки в конечном счёте приводили к идеям о том, что человека не существует (М. Фуко), его нужно преодолеть (Ф. Ницше) и т. д. На наш взгляд, именно такой способ мыслить человека предлагает нам Ф. М. Достоевский, концептуализируя двойственного человека. Как писал И. Попович, уже упомянутый нами ранее: «Достоевский не всегда был современным, но всегда со-вечным» [11, с. 5]. Двойственный человек, как тот, кому свойственно раздвоение самости всегда живёт в разрыве между субъективным и реальным, но зато преодолевает разрыв между человеком и субъективностью. Двойственный человек сталкивается с тем, что у него мало что получается в реальном мире, и его реакция на этот мир становится сниженной, а он сам уходит в мир грёз и мечт. Он какое-то «недоделанное пробное существо, созданное в насмешку» [5, с. 309]. Он живёт не в том, что существует, а в том, что дано, а также его мир наполнен не вещами, а мнимостями, которые существуют не потому, что они полезны, как чашка, из которой можно попить кофе, а потому, что они важны, потому, что отказаться от мнимостей для человека будет равноценно тому, чтобы отказаться от самого себя. Как будет проявляться в реальности человек, не принадлежащий субъективности? Что мы сможем назвать специфически человеческим следом существования? Ведь, как писал Ф. М. Достоевский, дважды два четыре справедливо и без человека, а значит, это уже не жизнь, а начало смерти. И человек появляется там, где дважды два это пять. Попытки воспринимать человека как двойственное существо нашли своё отражение в творчестве русского писателя Леонида Андреева и норвежского Юна Фоссе. В первом случае речь будет идти о почти агрессивном по отношению ко всему реально существующему Иуде Искариоте, который на любое проявление реальности в его жизни начинает сопротивляться, ругаться и кричать. Он кричит, когда его справедливо обвиняют во лжи, сопротивляется, когда ему говорят о невозможности чего-то и ругается, когда его правдиво называют уродливым. Он нелогичен и иррационален, а ещё походит на сумасшедшего. Ведь мы привыкли относиться к уродливому человеку, который называет себя красивым, как к тому, у которого повреждён ум. А он не сумасшедший, а раздвоенный. И живёт среди мнимостей, а не среди вещей. Он редуцирует сущее и отказывается считаться с наличным, существующим благодаря причинной связи. Во втором случае речь будет идти о странном художнике Асле, который проживает две версии одной своей жизни, но при этом одну из них он сделал как бы чужой и стал видеть другого человека, тоже Асле, тоже художника, точно так же выглядящего как он, точно также одетого, но почему-то другого Асле. А ещё он перестал жить и стал грезить. Единственное, что осталось у него из реальной жизни, – это бекон и яичница с луком, которые он так любит, а в остальное время он мечтает о том, как обнимается и разговаривает перед сном с давно умершей женой.

И подпольный человек Ф. М. Достоевского, и Иуда Искариот Л. Н. Андреева, и Асле Ю. Фоссе живут в разрыве между субъективным и реальным, распяты между действительностью и грезой, и не готовы смириться с реальностью как со стеной, которую невозможно преодолеть. Они по-разному борются за субъективные смыслы, которые пытаются оставить как след своего присутствия, но для всех них они важнее всего остального.

Список литературы

1. Андреев, Л. Н. Иуда Искариот / Л. Н. Андреев. – Москва : АСТ, 2021. – 416 с.
2. Гиренок, Ф. И. Введение в сингулярную философию / Ф. И. Гиренок. – Москва : Проспект, 2022. – 304 с.
3. Гиренок, Ф. И. Кризис субъекта / Ф. И. Гиренок // Литературная газета. – 2015. – 2 сентября. № 34 (6522). – С. 1.
4. Гроссман, Л. П. Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике / Л. П. Гроссман. – Москва : Никитинские субботы, 1927. – 337 с.
5. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – Москва : Эксмо, 2020. – 896 с. – (Библиотека всемирной литературы).
6. Достоевский, Ф. М. Двойник / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – С. 121–270.
7. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 1056 с. – (Русская литература. Большие книги).
8. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский. – Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2019. – С. 596–674.
9. Достоевский, Ф. М. Письма 1872–1881 / Ф. М. Достоевский. – Москва : Т8RUGRAM, 2018. – 266 с.
10. Интервью с норвежским прозаиком и драматургом Юном Фоссе. – URL: <https://gorky.media/context/vdnf-menya-pisat-eto-sposob-zhit/> (дата обращения: 10.06.2023).
11. Преподобный Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского; перевод с сербского академика Сербской Академии наук и искусств И. А. Чароты / Преподобный И. Попович. – Минск : Изд-во Дмитрия Харченко, 2014. – 439 с.
12. Фоссе, Юн. Другое имя. Септология I–II / Ю. Фоссе ; пер. с норвеж. Н. Федоровой. – Москва : Эксмо, 2022. – 352 с.
13. Baudrillard, J. Why hasn't everything already disappeared? / J. Baudrillard. – Calcutta : Seagull books, 2009. – 77 p.

References

1. Andreev, L. N. *Iuda Iskariot* [Judas Iscariot]. Moscow: AST; 2021, 416 p.
2. Girenok, F. I. *Vvedenie v singulyarnuyu filosofiyu* [Introduction to singular philosophy]. Moscow: Prospekt; 2022, 304 p.
3. Girenok, F. I. *Krizis subekta* [The crisis of the subject]. *Literaturnaja gazeta* [The Literary Newspaper]. 2015, September 2, no. 34 (6522), p. 1.
4. Grossman, L. P. *Borba za stil. Opyty po kritike i poetike* [The struggle for style. Experiments on criticism and poetics]. Moscow: Nikitinskie subboty; 1927, 337 p.
5. Dostoevskiy, F. M. *Bratya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow: Eksmo; 2020, 896 p. (Biblioteka vsemirnoy literatury).
6. Dostoevskiy, F. M. *Dvoynik* [The Double]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2020, pp. 121–270.
7. Dostoevskiy, F. M. *Dnevnik pisatelya* [The Writer's diary]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2021, 1056 p. (Russkaya literatura. Bolshie knigi).
8. Dostoevskiy, F. M. *Zapiski iz podpolya* [Notes from the underground]. Moscow: ALFA-KNIGA; 2019, pp. 596–674.
9. Dostoevskiy, F. M. *Pisma 1872–1881* [The letters 1872–1881]. Moscow: T8RUGRAM; 2018, 266 p.
10. *Intervyyu s norvezhskim prozaikom i dramaturgom Yunom Fosse* [interview with Norwegian novelist and playwright Jun Fosse]. Available at: <https://gorky.media/context/vdnf-menya-pisat-eto-sposob-zhit/> (accessed: 10.06.2023).

11. Prepodobnyy Iustin (Popovich). *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [Dostoevsky's philosophy and religion]. Minsk: Publ. House of Dmitriy Kharchenko; 2014, 439 p.
12. Fosse, Yun. *Drugoe imya. Septologiya I-II* [The Other Name: Septology I-II]. Translated. of N. Fedorova. Moscow: Eksmo; 2022, 352 p.
13. Baudrillard, J. *Why hasn't everything already disappeared?* Calcutta: Seagull books; 2009, 77 p.

Информация об авторе

Холоднова К. Н. – аспирант.

Information about the author

Kholodnova K. N. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 29.08.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 29.08.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.